

Stanisław Jalyszew

North-West Branch of the Russian State
University of Justice (St. Petersburg)

Elena Valentinovna Topilskaya

North-West Branch of the Russian State
University of Justice (St. Petersburg)

Об особенностях исследования доказательств в суде присяжных (по материалам учебного судебного процесса)

Аннотация: на примере реконструкции реального уголовного дела студенты юридических университетов пытались разобраться в психологии присяжных заседателей, принимающих вердикт по делу. Оказалось, что мнение профессионального судьи существенно отличается от мнения присяжных. Это касалось как вины подсудимого, так и доказанности отдельных фактов.

Ключевые слова: суд, рассмотрение уголовных дел, суд присяжных, вердикт, обучение юристов, проведение учебных занятий.

Силами юридических факультетов трех вузов Санкт-Петербурга была осуществлена реконструкция судебного процесса в суде с участием присяжных заседателей по реальному уголовному делу, получившему широкую известность как «дело об убийстве таджикской девочки»¹.

Суть дела такова: В феврале 2004 года в переулке Бойцова в Санкт-Петербурге группа молодых людей напала на семью выходцев из Средней Азии – мужчину и двоих детей, мужчина был избит, а его дочь – девятилетняя Хуршеда Султонова получила множественные ножевые ранения, от которых скончалась.

Преступление вызвало большой общественный резонанс. Спустя год были задержаны несовершеннолетние жители Петербурга, которые давали противоречивые показания, а затем частично признали свою вину в нападении на Султонова с детьми, но отрицали нанесение ножевых ударов девочке. В деле фигурировали также неустановленные лица, ко-

¹ Процесс по делу, послужившему основой для реконструкции, широко освещался не только региональной петербургской, но и российской федеральной прессой. Желающие могут ознакомиться с исчерпывающими сведениями о «деле об убийстве таджикской девочки» в многочисленных информационных источниках, напр.: <http://lenta.ru/news/2006/08/10/tajik/> и др.

торые явно были зачинщиками и наиболее активными исполнителями преступления.

Один из задержанных, на одежде которого была обнаружена кровь, по группе совпадающая с кровью Хуршеды Султоновой и принадлежащая лицу женского пола, в конце концов заявил, что сам не убивал девочку, но видел, как его товарищ наносил ей удары ножом, и эти показания легли в основу обвинения в убийстве другого задержанного, остальным вменили в вину совершение хулиганства.

Данное уголовное дело рассматривалось в профессиональном суде с участием присяжных заседателей. Коллегия присяжных заседателей признала семерых из восьми подсудимых по данному делу виновными в хулиганстве; вину главного фигуранта, которому инкриминировали убийство девочки по мотиву национальной ненависти, присяжные считали недоказанной.

Реконструкция судебного процесса проводилась под эгидой Конституционного Суда Российской Федерации, а также Санкт-Петербургского городского суда и Гильдии судебных репортеров Союза журналистов России.

Студенты выступали в ролях представителей государственного обвинения, представителей потерпевших, адвокатов. Подсудимого и свидетелей играли приглашенные профессиональные актеры, и были сформированы две скамьи присяжных: основная, из студентов, и запасная – из представителей журналистского сообщества. Чтобы упростить формат мероприятия, в синопсисе реконструкции фигурировал один подсудимый, который обвинялся в убийстве, остальные подсудимые выступали в качестве свидетелей.

Помимо того, что это мероприятие было, безусловно, полезным для студентов, получивших представление об институте суда присяжных «изнутри», его участники имели также уникальную возможность проинтервьюировать «присяжных» после оглашения вердикта и выяснить, как проходило обсуждение вердикта, какие моменты процесса произвели наибольшее впечатление на «присяжных», и чем руководствовались «присяжные», голосуя за ответы на вопросный лист.

И результаты этого интервьюирования заставили профессиональных юристов из числа преподавателей, адвокатов и судей по-новому взглянуть на некоторые особенности процесса в суде присяжных.

Возможно, отчет об этом будет поучительным как для теоретиков, так и для практических работников, безотносительно к тому, выступают они на стороне защиты или обвинения.

Подтверждением репрезентативности данного интервьюирования может косвенно служить тот факт, что принятые обеими «коллегиями присяжных» решения по всем позициям вопросного листа полностью со-

впали с вердиктом присяжных в реальном процессе. Это, на наш взгляд, позволяет говорить о некоторых единых закономерностях восприятия присяжными представляемых им доказательств².

Так, результаты учебного процесса поколебали укоренившееся у практикующих юристов мнение о том, что задача обвинения в суде присяжных намного сложнее, чем задача защиты. Принято считать, что прокурору нужно убедительно обосновать перед присяжными каждый тезис обвинения, в то время как защите достаточно бросить тень хотя бы на некоторые положения обвинительного заключения, чтобы добиться оправдательного вердикта.

Результаты интервьюирования двух «коллегий присяжных» удивили нас тем, что присяжные, оказывается, априори настроены обвинительно и подсознательно склонны считать подсудимого виновным до тех пор, пока не будет опровергнуто большинство доказательств, представленных прокурором, безотносительно к профессиональным данным обвинителя.

Таким образом, усилия, затраченные стороной обвинения на обоснование некоторых фактов, как потом выяснилось, – вполне очевидных для «присяжных», либо не имеющих для них значения, могли быть более скромными, на вердикт это не повлияло бы.

К примеру, «государственный обвинитель», «представитель потерпевшего» и группа их ассистентов пытались во время судебного следствия «залатать» дыры следствия предварительного, которое, квалифицируя убийство по мотиву национальной ненависти, не удосужилось даже допросить главного фигуранта и его товарищей об их отношении к национальному вопросу, не говоря уже о более тщательном обосновании этого пункта обвинения.

«Прокурор» в процессе весьма профессионально выстроил тактику допросов подсудимого и свидетелей, которые, даже отрицая националистические настроения, вынужденно проговаривались и демонстрировали негативный настрой по поводу мигрантов из Азии и с Кавказа.

Безусловно, будь это настоящий процесс, усилия прокурора не пропали бы даром, так как при обвинительном вердикте мотив убийства необходимо было бы назвать и обосновать в приговоре. Но в данном случае оказалось, что мотив и без усилий «прокурора» был очевиден для «при-

² Репрезентативность интервьюирования присяжных при троекратном совпадении вердиктов становится очевидной на фоне эксперимента, проведенного в Краснодаре, о котором писал С.И.Дементьев (См.: *Дементьев С.И.* Построение уголовно - правовых санкций в виде лишения свободы. - Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1986. С. 40): пяти профессиональным судьям предлагалось назначить наказание по уголовному делу, которое уже было предметом судебного рассмотрения; в результате решение только одного судьи совпадало с приговором, по которому отбывал наказание осужденный, остальные судьи избрали виды и размеры наказания, значительно отличающиеся друг от друга.

сяжных»: заметив мужчину и детей с выраженной азиатской, «нерусской» внешностью, подсудимый и его товарищи оставили излюбленное место сиделок и стали преследовать мигрантов, преследование же закончилось нападением.

То есть «присяжные» сделали то, что теоретически должен делать и профессиональный суд, за счет однозначного истолкования ими конклюдентных действий подсудимого и его товарищей, не дожидаясь вербального оформления мотивации в свидетельских показаниях, тем более что добиться такого вербального оформления не всегда возможно, даже при качественном следствии и гособвинении.

Но профессиональный суд в такой ситуации наверняка воздержится от толкования конклюдентных действий; профессиональным судьям, связанным понятием «стабильности приговоров», потребуется, чтобы мотив был обязательно озвучен кем-либо из фигурантов.

В то же время отдельные обстоятельства, которым профессиональные юристы не придавали большого значения и не расценивали их как доказательства, неожиданно произвели сильное впечатление на «присяжных», перевесив даже заявленное основным фигурантом в суде алиби (по правде говоря, довольно неубедительное, но это, скорее, эмоциональная оценка личности свидетеля, дающего алиби, и его показаний; если абстрагироваться от эмоций, то опровергнуть это алиби перед профессиональным судом было бы непросто).

Например, представители обвинения в учебном процессе сознавали, что самым уязвимым местом является отсутствие следов крови на одежде основного фигуранта, которому инкриминировалось нанесение жертве множества ножевых ранений (у него изъяли и исследовали почти всю одежду – несколько пар брюк, несколько курток, обувь, но безрезультатно), в то время как главный свидетель обвинения оказался опачкан в крови жертвы и не мог внятно объяснить это обстоятельство.

Тем не менее «обвинение» предприняло попытку дезавуировать данное несоответствие, задав «подсудимому» вопрос, не избавлялся ли он от каких-либо предметов одежды после происшествия. В протоколе судебного заседания по реальному уголовному делу действительно содержались такие сведения – подсудимый сообщил, что были выброшены джинсы, из которых он вырос, и вдобавок они были запачканы краской во время ремонта их жилища, но никакого развития этот факт в деле не получил и не проверялся.

В инсценировке процесса «подсудимый» ответил на вопрос «прокурора» в соответствии с протоколом судебного заседания, но не более того. Однако, интервьюируя «присяжных» после процесса, мы убедились, что простое упоминание об отсутствующих и потому неисследованных на предмет наличия крови джинсах подсудимого гораздо сильнее повлияло

на них, чем путанные уличающие показания главного свидетеля обвинения, усилив уверенность «присяжных» в том, что подсудимый все-таки был на месте происшествия и принимал участие в нападении.

Иными словами, не имеющий доказательственного значения факт («да, выбросил джинсы») при отсутствии каких-либо объективных оснований считать, что на джинсах могли быть следы преступления, неожиданно для профессиональных юристов был истолкован большинством «присяжных» как беспорное свидетельство лживости подсудимого, свидетельство его попытки уйти от ответственности, – и, в итоге, как свидетельство если не его единоличной вины в убийстве, то, как минимум, его участия в преступлении.

В то же время многократные изменения подсудимым показаний в ходе предварительного следствия – полное отрицание вины, затем признание своего нахождения на месте происшествия, затем признание в убийстве, затем отказ от признания, – такого действия не возымели, «присяжные» расценивали это всего лишь как линию защиты. Думается, что это дополнительный повод глубже изучать психологию принятия решений «судьями из народа».

Рассказывая о ходе обсуждения вердикта, наши «учебные присяжные» из обеих коллегий единодушно признавались, что они самостоятельно пытались восполнить пробелы следствия, толкуя или додумывая полученную в ходе процесса информацию. Это психологически объяснимо, так как присяжные, поставленные перед необходимостью разрешить вопрос о виновности подсудимого в особо тяжком преступлении, хотели бы отчетливо представлять себе картину происшедшего.

Прекрасный идеалист и выдающийся русский юрист 19 века А.Ф.Кони ожидал, что житейский опыт укажет присяжным, в каком порядке улики следуют одна за другой; и «для пополнения небольших пробелов между уликами явятся соображения, не произвольные, не отвлеченные, а почерпнутые из быта подсудимых, из условий окружающей жизни, из общих свойств человеческой природы»³. Но великий юрист и представить себе не мог, с какими чудовищными пробелами будут направляться в суд уголовные дела в наши дни. И, восполняя недостаток информации логическим путем, присяжные скорее будут «достраивать» конструкцию, предложенную им в обвинительном заключении, нежели попытаются выстроить новую конструкцию вокруг обозначенного защитой алиби подсудимого.

И это тоже психологически объяснимо, так как, принимая алиби подсудимого, присяжные автоматически встают перед необходимостью понять, кто же в таком случае совершил преступление; а это может оказать-

³ Цит. по: *Судебное красноречие русских юристов прошлого* / Сост. Ю.А. Костанов. М., 1992. С. 15.

ся непосильным бременем для непрофессионального судьи и вызвать внутренний протест.

Психологически легче домыслить отсутствующие факты в пользу обвинения, если, конечно, имеющиеся пробелы все же позволяют свести концы с концами. В противном случае мы взваливаем на присяжных невыполнимую миссию: из обрывочных, в большинстве своем противоречивых фактов, которые не удосужилось сопрячь воедино следствие и которые отчаялось логически сопоставить и объяснить государственное обвинение в суде, присяжные должны сделать вывод о виновности или невиновности живого человека в страшном преступлении, за которое он может быть приговорен к максимальному наказанию.

Абстрактная задача для государственных деятелей о том, что лучше – осудить невиновного или оправдать виновного, не имеет решения с позиций здравого смысла конкретного члена общества, пусть даже и исполняющего в данный момент функции представителя судебной власти, присяжного заседателя.

Наши «присяжные» признались, что ждали от прокурора изменения обвинения в сторону уменьшения объема инкриминированных действий, и готовы были признать подсудимого виновным в убийстве, если бы их спросили, *принимал ли тот участие* в причинении смерти потерпевшей.

Но вопросный лист содержал вопрос о доказанности того, причинен ли подсудимым *весь комплекс* обнаруженных на трупe телесных повреждений, и это при том, что материалы дела неопровержимо свидетельствовали: удары, в том числе и ножевые, наносили девочке несколько человек.

Вопрос был перенесен в вопросный лист из обвинительного заключения в таком виде: если доказано, что потерпевшая «была повалена с ног и от удара головой о землю получила кровоизлияние в затылочной области кожно-мышечного лоскута головы, затем ей были нанесены удары ножом: 7 ударов по телу, тем самым причинены 2 колото-резаные раны задней поверхности грудной клетки слева, одна из них с повреждением легкого, колото-резаная рана надчревной области живота, 2 проникающие в брюшную полость с повреждением тонкой кишки колото-резаные раны живота слева, колото-резаная рана лобковой области, колото-резаная рана левого бедра, 5 ударов в область верхних конечностей, когда она пыталась закрываться руками от наносимых ножом ударов, при этом ей были причинены 2 сквозные колото-резаные раны левого плеча, колото-резаные раны левого плеча (1) и предплечья (1), резаная рана правого лучезапястного сустава, – и от полученных ранений груди и живота наступила ее смерть», то доказано ли, что все это совершил подсудимый?

И даже при такой формулировке трое присяжных в реальном процессе, и шестеро в учебном ответили: доказано. Очевидно, что этим отве-

том и настоящие, и «учебные» присяжные голосовали за право отступить от фактов во имя некой высшей справедливости.

Но такой ли справедливости мы ждем от суда присяжных? К сожалению, следственные органы в большинстве случаев составляют обвинительное заключение без учета специфики судебного рассмотрения дела, образно говоря, – посылают в суд необработанную глыбу мрамора, надеясь по привычке, что судьи выполнят за них черновую работу и отсекут от глыбы все лишнее, оставив в приговоре то, что уж никак нельзя было отбросить.

Но такая практика противоречит самой сути суда присяжных и законодательным нормам, запрещающим присяжным входить в обсуждение юридических вопросов. Недоработка следствия (в данном деле – вменение в вину одному лицу причинения всех обнаруженных на трупе повреждений, заведомо причиненных не только подсудимым, но и другими лицами) могла бы быть скорректирована в ходе судебного заседания, если бы вопросный лист формировала сторона обвинения.

Идеи о внесении изменений в уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие порядок составления вопросного листа, уже высказываются, причем, что симптоматично, – практикующими судьями. Первый заместитель председателя Ставропольского краевого суда, заслуженный юрист Российской Федерации М.Т.Тащилин выразил мнение большого числа коллег, заявив, что считает вовлечение судьи в качестве активного участника судебного процесса в формулирование вопросов, подлежащих разрешению присяжными, не только неоправданным, но и противоречащим роли судьи в состязательном судебном процессе⁴.

От себя добавим, что эта функция, возложенная на судью, напоминает советскую практику оглашения председательствующим текста обвинительного заключения, как бы транслирующим его от имени государства. М.Т.Тащилин убежден, что «вопросный лист должен составляться стороной обвинения и может быть дополнен стороной защиты. Сторона обвинения определяет объем обвинения и ей надо предоставить право формулирования вопросного листа. Как поставят вопросы стороны, как изложат доказательства, таков и будет вердикт». Активность судьи должна предопределяться и ограничиваться только целью установления истины по делу⁵, что позволит соблюсти условие нравственности и состязательности уголовного процесса.

Еще необходимо заметить, что присяжные, как и ученые, и практические работники, не удовлетворены существующим порядком разре-

⁴ См.: Суду с участием присяжных заседателей – пятнадцать лет. Интервью с Тащилиным М.Т.

⁵ М.О.Баев, О.Я.Баев, *Роль суда в уголовно-процессуальном исследовании преступлений на этапе судебного следствия / Воронежские криминалистические чтения. Сборник научных трудов. Вып.10.* – Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2008. – С.50.

ния вопроса о признании доказательств недопустимыми, особенно в случаях, когда заявление о получении показаний под пытками или о фальсификации результатов следственного действия делается не во время предварительных слушаний, а в присутствии присяжных.

Высказываются мнения о том, что удаление присяжных на время проверки заявлений о недопустимости доказательства нарушает их право на исследование доказательств: «нельзя вынуждать присяжных принимать на веру все, что им предложат профессиональные участники процесса во главе с судьей, выйдя из совещательной комнаты»⁶.

Этот тезис нашел подтверждение в реконструкции процесса. Интервьюирование членов обеих «коллегий» показало, что, как бы ни были присяжные лояльно настроены к институтам государственного управления, они при всем желании не могут абстрагироваться от реалий повседневной жизни, в которых сотрудники правоохранительных органов могут нарушить закон, иногда не брезгают подбрасыванием вещественных доказательств, подлогами при оформлении протоколов следственных действий, применяют насилие для получения признаний и т.п., и сведения о таких случаях, как об «обычной практике органов дознания и следствия», широко тиражируются средствами массовой информации.

По наблюдениям специалистов, «неожиданное удаление присяжных из зала суда вслед за ходатайством защитника о признании доказательства недопустимым порождает у них протест и естественное желание узнать, что же происходило за закрытыми дверями зала судебного заседания. Об этом они могут лишь догадываться, наблюдая за ходом судебного следствия и выступлениями сторон. Позиция «обиженных» заседателей влияет на содержание их вердикта не в лучшую для правосудия сторону»⁷.

Члены запасной «скамьи», сформированной из журналистов, не разбираясь в законодательстве, с упреком обращались к присутствовавшим в зале профессиональным юристам: почему присяжным не разрешено присутствовать при проверке заявлений о пытках? Удаление присяжных на время проверки таких заявлений расценивалось ими как произвол судебной власти, с целью прикрыть грехи оперативных сотрудников и следствия.

Это означает, что желание законодателя оградить присяжных заседателей от восприятия информации, которая не может быть положена в основу их решения, обернулось на деле приглашением всегда истолковывать такие заявления (при проверке которых они не присутствуют и не могут убедиться в том, что это оговор, даже если заявление о пытках

⁶ Стабров Н.И., *Рассмотрение ходатайств о недопустимости доказательств в Российской Федерации в суде присяжных*, «Журнал российского права» 2006, № 11.

⁷ Петрухин И.Л., *Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография*. – Проспект. – 2009 г.

или фальсификации («шито белыми нитками») в пользу обвиняемого и против обвинения.

Безусловно, это не все уроки студенческой реконструкции процесса в суде присяжных. Но это повод к обсуждению наиболее узких мест уникального судебного института, вызывающего ожесточенные дискуссии с момента его появления в российском законодательстве кцк 19 века и до наших дней, тем более что узкие места подсказаны весьма заинтересованными лицами – самими присяжными.

Wykaz literatury

- Дементьев С.И. *Построение уголовно – правовых санкций в виде лишения свободы*, Ростов н/Д 1986.
- Судебное красноречие русских юристов прошлого*, Сост. Ю.А. Костанов. М., 1992.
- Баев М.О., Баев О.Я., *Роль суда в уголовно-процессуальном исследовании преступлений на этапе судебного следствия / Воронежские криминалистические чтения. Сборник научных трудов. Вып.10. – Изд-во Воронежского гос. ун-та 2008.*
- Стабров Н.И. *Рассмотрение ходатайств о недопустимости доказательств в Российской Федерации в суде присяжных*, “Журнал российского права”, 2006, № 11.
- Петрухин И.Л. *Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография*, “Проспект” 2009.

Summary

On some special features of the examining of evidence by jury (based on educational trial)

Key words: court, consideration of criminal cases, jury trial, verdict, training of lawyers, conducting training sessions.

On the example of the reconstruction of a real criminal case, students of law universities tried to understand the psychology of jurors taking the verdict on the case. It turned out that the opinion of a professional judge is significantly different from that of the jury. This concerned both the defendant's guilt and the proof of individual facts.

Streszczenie

O specyficie oceny dowodów w sądzie przysięgłych (na podstawie inscenizacji rozprawy w ramach zajęć ze studentami)

Słowa kluczowe: sąd, rozprawa sądowa, ława przysięgłych, werdykt, kształcenie prawników, program zajęć dydaktycznych.

Na przykładzie inscenizacji rozprawy w sądzie przysięgłych studenci-prawnicy badali psychologię ławników, pracujących nad werdyktem końcowym. Jednym z założeń badań było przypuszczenie, że opinia sędziego zawodowego co do winy oskarżonego, poziomu udowodnienia poszczególnych faktów będzie się różniła od opinii ławników.